

УДК 398(=512.3)
DOI 10.25587/d2484-0502-2988-g

А. А. Бурькин
Калмыцкий научный центр РАН

ЛЕБЕДИ И ЖУРАВЛИ В ФОЛЬКЛОРЕ КАЛМЫКОВ, ДРУГИХ МОНГОЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ И НАРОДОВ АЗИИ

Аннотация. Предмет статьи составляют сказочные и эпические тексты, содержащие мотив девушек-лебедей и роли этих персонажей в повествовании. Автор рассматривает калмыцкие, тувинские, бурятские, долганские, якутские, кетские, хантыйские, мансийские, эвенкийские, эвенские, ороческие, нанайские, юкагирские и чукотские тексты, содержащие мотив лебедей, превращающихся в девушек, у одной из которых юноша крадет оперение, и девушка не может вернуть себе облик птицы. Обычно этот мотив связан с добыванием жены героем или одним из братьев. Поиски улетевшей девушки-лебедя героем-юношей осуществляются в разных сферах нарративного пространства: в системе трех миров, общей для народов, чьи традиции рассматриваются в работе, в Среднем мире – мире людей и в мире с новыми реалиями, в городе (ханты и манси). Мы смогли выяснить примерную хронологию эволюции мотива и его включения в разные сюжеты: сюжеты об умном и глупом брате в сочетании с мотивом девушек-лебедей у тунгусов представляют собой локальную инновацию. Идея о тотемистическом происхождении мотива девушек-лебедей и их связь с миром божеств остается актуальной, финалы повествований разнообразны и показывают конструктивный потенциал мотива. У долган и ряда других народов вместо лебедей в мотиве присутствуют журавли-стерхи, но у большинства народов журавли не показывают связи с девушками, превращающимися в птиц (только у чукчей есть девушка-журавль, но вариант такой сказки единственный), хотя этот вопрос требует дальнейшего исследования. Исключительно интересны мотивы превращения людей (женщин и мужчин) в птиц в связи со сменой композиционного понятия точки зрения, частично указывающие на генезис сюжетов и стимулирующие поиски других сюжетов, показывающих смену точки зрения в повествованиях при сравнении мотивов в разных текстах и в разных традициях, равно как и проявления самого понятия точки зрения в фольклорных текстах. Исследование имеет важное значение для составления и комментирования различных изданий Сводов фольклора, составляемых по региональному или этническому принципу. Вне суммирования данных о сюжетах непонятны тексты, представляющие частные локальные традиции, где он встречается, в частности тунгусских народов.

Ключевые слова: фольклор, сказка, эпос, мотив, превращения, девушки, лебеди, журавли, точка зрения, композиция, типология.

Благодарности: Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

А. А. Burykin

Swans and cranes in the folklore of Kalmyks and other Mongolian-speaking peoples and Asian peoples

Abstract. The subject of the article is fabulous and epic texts containing the motif of the girls-swans and the role of these characters in the story. The author considers Kalmyk, Tuvan, Buryat, Dolgan, Yakut, Ket, Khanty, Mansi, Evenki, Even, Oroch, Nanai, Yukagir and Chukchi texts containing the motif of swans turning into girls, one of which a young man steals plumage, and the girl cannot regain the appearance of a bird. Usually this motif

БУРЫКИН Алексей Алексеевич – д. филол. н., д. и. н., в. н. с. отдела фольклора и литературы Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия.

E-mail: albury@mail.ru

BURYKIN Aleksey Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Folklore and Literature, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia.

E-mail: albury@mail.ru

is associated with the extraction of a wife by a hero or one of the brothers. Searches for a swan-girl who flew away as a hero-boy are carried out in different areas of the narrative space: in a system of three worlds common to peoples whose traditions are considered in work, in the Middle World – the world of people and in the world with new realities, in the city (Khanty and Mansi). We were able to find out an approximate chronology of the evolution of the motif and its inclusion in various stories: stories about a smart and stupid brother in combination with the motif of swan girls from the Tungus are a local innovation. The idea of the totemic origin of the motif of girls-swan and their connection with the world of deities remains relevant, the endings of the narratives are diverse and show the constructive potential of the motif. Dolgans and a number of other peoples have cranes in their motif instead of swans, but for most peoples cranes do not show any connection with girls turning into birds. The motifs of people (women and men) turning into birds in connection with a change in the compositional concept of a point of view are extremely interesting, partially pointing to the genesis of the plots and stimulating the search for other plots that show a change of point of view in the narratives when comparing motifs in different texts and in different traditions.

Keywords: folklore, fairy tale, epic, motif, transformations, girls, swans, cranes, point of view, composition, typology.

Acknowledgments: The study was carried out as part of a state subsidy – the project “Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: cross-border traditions and interactions” (registration number AAAA-A19-119011490036-1).

Введение

Образ лебеда занимает важное место в культуре и фольклоре народов Европы и Азии. В Европе он связан с фигурой Зевса, в Азии с яйцом Брахмы и составляет часть сюжета об обращении девушек в лебедей и лебедей в девушек [1]. Действия мужского персонажа-героя повествования связаны с добыванием жены. Часто девушка, принимающая образ лебеда, становится женой главного героя повествования. Лебедь у народов Евразии включен в круг тотемов, что отмечено у якутов и бурят [1, с. 41]. Несмотря на то, что образ лебеда прочно укрепился в мировой культуре и искусстве как символ многих качеств положительной семантики (красота, верность, иногда музыкальность голоса), в фольклоре этот образ недостаточно изучен, отчасти по причине значительного объема и разнородности материала. Цель работы – анализ распространенности мотива среди народов Центральной Азии и Сибири, сопоставительный и типологический анализ мотивов девушек-лебедей и констатация варьирования точки зрения повествования, явления, малоизученного для фольклорных текстов. Исследование фольклорного материала сюжета важно для понимания балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро» как визуализации одного из вариантов сюжета и европейских источников его либретто, в качестве которых называются русская народная сказка «Белая уточка» и «Украденное покрывало» в пересказе Иоганна Музеуса (1735-1787), педагога, литератора, собирателя сказок и автора их литературных обработок.

Мотив девушек-лебедей в калмыцком фольклоре

В калмыцкой сказке «Три брата» [2, с. 109] жена *мангаса*¹ оказывается одной из девушек, которые прилетали купаться на озеро Шикирлык и были пойманы мангасами – это мотив объемной волшебной сказки с множеством мотивов-эпизодов. Данная сказка служит одним из ярких примеров того, в какие сложные цепочки разных сюжетных элементов может встраиваться мотив девушек-лебедей. В частности, мангасы в роли поимщиков девушек – образы нетипичные, поскольку ни в одном из найденных нами вариантов демонические существа не вступают в контакт с купающимися девушками-птицами.

В калмыцкой «Сказке про три чуда» [2, с. 115-116; 3, с. 74-75] стрелок Хеече-мэргэн видит на озере трех лебедей, сбросивших птичье одеяние и превратившихся в прекрасных девушек. Он прячет одежду одной из них, другие девушки улетают, одна остается, Хеече-мэргэн берет ее в жены: хан хочет отнять у него жену, задает ему трудные задачи, герой с помощью сестер жены исполняет все задачи, возвращается домой, прогоняет хана в другую землю, живет счастливо. То, что помощниками героя являются сестры девушки, перья которой он спрятал, также неожиданно. Сказка «Юноша-стрелок и хан Царкин» с тем же сюжетом вошла в сборник

¹ Многоголовое чудовище.

калмыцких сказок [4, с. 186-197]. Эта сказка может служить эталоном для анализа сюжета об обретении героем жены из девушек-лебедей.

В двух калмыцких сказках три лебедя, появившиеся над озером, дают герою совет, как взять в жены дочь хана [2, с. 142; 5, с. 48]. Такой же мотив, где пролетающие лебеди дают герою совет, появляется в сказке «Богатырь Йилдер» [5, с. 60]. Такие фигуры в других традициях не встречаются.

Необычный сюжетный ход представлен в калмыцкой сказке о Гэсэре: «После Гэсэр опять поехал по своему нутуку. Невзлюбившие его алмасы и шулмусы стали думать: “Как бы нам его убить?”. Один шулмус превратился в прекрасную девушку, и Гэсэр вскоре женился на ней. Своего драгоценного коня он, стреножив, отпустил пастись и набираться сил. Стал он жить с шулмуской, и у них родились сын и дочь. Узнав, что Гэсэр женился на шулмуске, его три небесные сестрицы, превратившиеся в лебедей, стали летать над кочевьями Гэсэра, и одна стала нарочно отставать от сестер. Стали две сестрицы-лебедушки приговаривать:

– Это же наш Гэсэр Богдо, быстрее лети. Услышал этот разговор Гэсэр Богдо, узнал сестер и сказал: – Да, я забыл свой дом и любимую мать, и сестер, забыл я свой родной край» [5, с. 96; ср. 4, с. 181]. В комментариях к этой сказке отмечено что девушки-лебеди, сопровождающие Гэсэра, – это тэнгрии из свиты Хормусты [4, с. 512; см.: 6, с. 149]. Божественное происхождение героинь сказок, в которых присутствует данный мотив, выглядит весьма архаичным, и, как полагал Е. М. Мелетинский, связано с тотемистическими представлениями [7, с. 11-12], поскольку представления о лебедях как тотеме широко распространены в Евразии.

В калмыцких сказках в лебедях могут превращаться не только героини, к чему сводятся их функции, но и персонажи мужского пола. Такое отмечается в сказке «Юноша-змея»: «Назавтра змея-муж оставил свою шкуру у жены, а сам превратился в лебедя и улетел к дочерям Хормуста-тэнгри поиграть с ними, порезвиться» [5, с. 115]. В сказке «Синяя шкура» лебедь, превращающийся в юношу, выступает спутником двух лебедей-девушек [5, с. 127, 129]. Судя по всему, такие персонажи, как мужчины, превращающиеся в лебедей, как показывают долганские и кетские аналогии, являются достаточно древними, и не случайно подобные мотивы не показывают четкой группировки и не проявляют характерных обобщающих признаков.

В сказке «Неразрешенные судебные дела» [5, с. 130-133] один охотник хотел убить семерых лебедей одним выстрелом, но другой выстрелил раньше и убил одного лебедя, оба идут к хану, хан отказывается разбирать возникший конфликт. Данная сказка необычна своим содержанием: охота на лебедей у калмыков разрешалась только лицам благородного происхождения, убитого лебедя преподносили в подарок *нойону*¹ или *зайсангу*², такой подарок вызывал зависть у других нойонов и зайсангов [8, с. 195-196].

Мотив девушек-лебедей в сказочном фольклоре тувинцев и бурят

В тувинской сказке «Оскюс-оол и дочь Курбусту-хана» [9, с. 130-139] бедный юноша-герой после неудачных попыток работать у хана приходит на озеро, где купаются три девушки-лебедя, похищает одежду младшей из них, девушка остается у него, она и ее родные в Верхнем мире помогают герою выполнить трудные задачи, вредный хан погибает, герой и героиня живут счастливо. Сюжет этой сказки очень сходен с калмыцкой, представленной ранее.

Мотивы девушек-лебедей есть и в других тувинских сказках: три сестры, превратившись в лебедей, купаются в озере, младшую похищает героиня по имени Хандарыма; невеста-лебедь испытывает Хандарыму – рассказывает две сказки, во время которых Хандарыма нарушает запрет молчания, и невеста исчезает [10, с. 404].

Сказки с интересующим нас мотивом широко распространены у бурят. Один из ярких примеров – сказка «Молодец и его жена-лебедь» [11, с. 37-60; 12, с. 92 и сл.]. Парень-сирота лежит на берегу моря, прилетают купаться семь девушек-лебедей, он прячет одежду одной из них. Девушка остается с ним, ее родные помогают ему выполнить трудные задачи, связанные с перемещением по мирам, он их выполняет, становится ханом, живет с женой.

У бурят нередко встречаются сказки с этим мотивом, имеющие иной финал.

¹ Правитель.

² Старейшина.

Хоредой-мэргэн видит на озере купающихся женщин, превращающихся в лебедей, крадет одежду одной из них, она остается у него, становится его женой, но потом она напоила Хоредоя вином и улетела на небо [13, с. 114]. Здесь девушка-лебедь покидает мужа, и он не предпринимает попыток отыскать ее.

В другом варианте бурятской сказки Хоредой-мэргэн также женится на пойманной им девушке-лебеди, но у них нет детей, они переезжают на юг за море, у них рождается одиннадцать сыновей и шесть дочерей, жена спрашивает про ее одежду, Хоредой-мэргэн отдает ее, жена его улетает и просит делать обряды в ее честь, когда лебеди пролетают над ними весной и осенью [13, с. 115-117; см. еще 13, с. 125, 135, 148].

Мотив девушек-птиц в фольклоре народов северной Азии

Оригинальные повествования о людях, превращающихся в лебедей и наоборот, есть у долган. В одном из них два шамана превращаются в лебедей, улетают на юг – туда, куда улетают на зиму птицы, одного из них убивают охотники, другой возвращается весной [14, с. 24]; аналогичный миф есть у нганасан [14, с. 327]. Это повествование, как представляется, относится наряду с эвенкийской и кетской сказками к наиболее архаичным образцам повествований о людях-лебедях.

В долганском героическом сказании «Сын лошади Аталами-богатырь» [14, с. 48-77] есть эпизод, когда на озеро на глазах богатыря прилетают семь стерхов (журавлей), превращаются в девушек и купаются, богатырь забирает одежду одной из них, ее уносят подруги, герой отправляется ее искать, побеждает злого духа-абаасы, берет девушку в жены.

В героическом сказании «Три девушки – родные сестры» три стерха прилетают на озеро, принимают облик девушек, купаются, переговариваются о том, что на них никто не обращает внимание (в изученном материале это единственный случай провокации со стороны героинь), на третий день герой выстрелом из лука перебивает крыло одной из девушек, с другими богатырями отправляется на поиски девушки, находит ее, становится лучшим богатырем в стойбище [14, с. 135-181].

У якутов имеется сказка «Славный Юджюйэн»: живут два брата, старший уходит. Младший остается дома: к младшему прилетают семь девушек-стерхов, старший брат прячется, отнимает оперение у одной из девушек: младший (глупый) возвращает ей оперение, и она улетает; старший брат отправляется в верхний мир ее искать, ощипывает ее и она умирает, герой, оживив жену, возвращается в Средний мир [15, с. 50, 218-228].

Такая группа персонажей, как «Восемь небесных стерхов дочерей Хаарах-хана» встречается в сказке о лисе [15, с. 117].

Якутская сказка «Чуучуйдаан» [15, с. 442-449] имеет в основе сюжет об умных братьях и глупом брате, с которым играют девушки-стерхи: заканчивается все тем, что один из старших братьев женится на одной из девушек. Показательно, что вместо образа лебедей и у якутов, и у долган девушки принимают облик журавлей-стерхов.

Любопытна кетская сказка: два человека превращаются в лебедей, одного ловят собаки, второй летит к своим, все люди превращаются в лебедей [16, с. 84-85]. Сходные решения сюжета выше отмечены в одной из долганских сказок.

Три сказочных текста с мотивами девушек-лебедей зафиксированы у хантов и манси.

Хантыйский текст имеет такое содержание: юноша на озере видит девушек-лебедей, берет одежду одной из них, та рассказывает, как ее найти в городе по отметке на двери, он находит девушку, они живут счастливо [17, с. 240 и сл.]. В хантыйской сказке «Дочери солнца и месяца» [17, с. 65] дочери солнца – девушки-лебеди спасают брата от сестры-людоеда, съевшей всех. В этом тексте отсутствует ожидаемый для финала мотив намерения брачного союза как с одной, так и с другой стороны.

Сходный сюжет имеет мансийская сказка «Семь лебедей» [17, с. 479-480], но мансийская сказка, в отличие от хантыйской, не имеет нарочитой урбанизации в сюжетных деталях, заменяющей Верхний мир в более архаичных состояниях сюжета, и осложнена испытаниями, выпадающими на долю героя и героини.

В фольклоре тунгусо-маньчжурских народов мотив девушек-лебедей существует и в эпических формах, и в формах, как бы переходных от сказки к эпосу, и в собственно сказках. Вот

изложение одного сюжета: Живут братья Торганэй и Чаникой, пока Торганэй охотится, Чаникой отнимает перья у одной из двух девушек-лебедей, женится на ней, брат и его жена исчезают; Торганэй идет их искать, неожиданно находит своего сына, уничтожает перья жены, их сын быстро вырастает, отправляется на подвиги [18, с. 264 и сл.]. Этот текст примечателен тем, что в нем фиксируются эпические имена персонажей, в частности, имя Торганэй, встречающееся и в эвенкомском эпосе. Аналогичный сюжет с тем же мотивом отмечен у эвенков еще раз [19, с. 102-103].

Этот же мотив встречается в сказках эвенков, имеющих множество вариантов. Лучший из них записан Х. И. Дуткиным и опубликован, в частности, в собрании образцов эвенского фольклора К. А. Новиковой: у старика и старухи два сына, старший Умчегин охотится, младший Буондя сидит дома. К нему прилетают девушки-лебеди, девушки просят не рассказывать о них старшему брату Умчегину, тот рассказывает, старший брат крадет шкуру-одежду, женится на девушке, она выведывает, где спрятана ее шкура, улетает, Умчегин идет ее искать, находит девушек-лебедей за морем, у его жены есть ребенок, он сжигает ее лебединую шкуру, возвращается домой, за это время Буондя умер – старший брат его оживляет. Живут все вместе [20, с. 51-58].

Мотив девушек-птиц есть в эвенкомском эпическом сказании «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» [21, с. 12 и сл.], который интересен тем, что героини-птицы прилетают к дому героев, где нет водоема, и сами птицы в повествовании не определены, они называются просто «белые птицы» (окраска белого цвета у птиц, которых знают эвены, есть только у лебедей и стерхов). Старший брат Иркэнмэл крадет одно крыло, одна женщина-птица остается, становится его женой, у них рождается ребенок, женщина в обмен на шарик просит Мэтэлэ показать, где спрятана ее одежда, она улетает. Иркэнмэл уходит ее искать, находит сына, убивает жену (текст не окончен) [21, с. 12 и сл.].

В ороческой сказке «Нгэтырка» старший брат берет в жены девушку-лебедя, младший брат отдает ей ее перья, старший брат с приключениями ее отыскивает и возвращается домой [22, с. 351-356].

Сюжет нанайской сказки «Лэтэркэн» [22, с. 148-150] ограничивается тем, то младший брат добывает в жены девушку-лебедь для старшего – как видим, роль братьев по сравнению с ороческой, эвенкийской и эвенской сказками диаметрально противоположны.

Интересный образец интересующего нас мотива – юкагирская сказка «Уллегерал Ойчэ» [23, с. 206-212]. Живут старик и старуха с сыном, сын видит на озере трех девушек-лебедей, советуется с отцом, как поступить, отец советует взять крылья у одной из них, девушка приходит, нравится родителям юноши, но боится своих родственников, девушка с юношей идут к ее родственникам, юноша нравится ее родителям больше, чем их сын (только старший сын предлагает убить пришельца), юноша женится на девушке-лебеди, привозит в новое место жительства своих родителей. То, что герой советуется с отцом, как поступить с девушками – уникальная деталь сюжета и осложнение мотива.

У нивхов есть сюжет о девочке, которую обижает (не кормит) мачеха: девочка улетает с лебедями [24].

Единственный образец сказки этого типа у северо-восточных палеоазиатов – чукотская сказка «Журавелька» [25, с. 93 и сл.]. Ее содержание: живут бабушка с внуком, внук забирает перья у журавельки, женится на ней, она пропадает, юноша идет ее искать, находит, одерживает победу в войне с чайками и горностаями, остается в том месте, где он ее нашел. Данный вариант сказки очень странен: во-первых, журавелька, в отличие от всех других повествований, всего одна, во-вторых, противниками героя оказываются звери и птицы, в-третьих, герой остается жить в новообретенном месте, а не возвращается домой. Едва ли эта сказка могла быть заимствована чукчами у западных соседей – эвенков или юкагиров, вместе с тем другие варианты этой сказки у палеоазиатов не известны.

Самое примечательное в тунгусской традиции то, что у эвенков был зафиксирован рассказ со смещенным локусом повествования и необычной системой персонажей:

«Старик со старухой жили. Три дочки было, красивые. Семьдесят бродяг подходят, чтобы увести девушек. Было озеро молочное. Туда они (девушки) летали, лебедями ставши. Вот подходят бродяги. Девушки отцу говорят: “Нас спрячь, не отдавай”. – “Ну для чего вас спрячу! вы не хотели меня слушать; хорошо, (пусть) вас унесут. Постегонку ссучить приказывал когда; не

хотела ни одна постегонку сучить. Хорошо, пусть увезут (что хотят, то делают)”. Вот подошли бродяги, пошли неводить на озеро. Девушки, лебедями ставши, полетели. Вот неводят, они (девушки) вверх поднимаются. Старшая девушка иглой стала, упала. Двух увели. Домой пришла девушка, отцу говорит: “Меня спрячь, чтобы меня бродяги не увели”. – “Хорошо, пусть уведят, пусть делают (что хотят), не спрячу”» [26, с. 82; текст не закончен]. Этот текст представляет собой самостоятельный сюжет экспозиции к повествованию о девушках-лебедях, непослушание которых как бы обрекает их на изгнание из родительского дома, – стоит отметить, что в других повествованиях места, где живут девушки, заметно различаются в разных вариантах, и это единственный текст, в котором девушки-лебеди имеют исходную локализацию. В этом тексте трудно определить статус героинь – являются ли они деятелями, как в других сюжетах с тем же мотивом, или персонажами [27; 28, с. 124].

Особенности сюжетного содержания с включением мотива о девушках-лебедях представлены в следующей таблице:

Таблица 1

Мотив о девушках-лебедях в фольклоре монголоязычных народов и народов Азии

Место действия – локус героя	Мужские персонажи	Поиски героини в других мирах	Поиски героини в Среднем мире	Поиски героини в остранированной сфере (город)	Брачный союз в локусе героя	Брачный союз в локусе героини	Неудача брачного союза
Долганы, кеты, эвенки, буряты, якуты	Калмыки, долганы, кеты	Калмыки, тувинцы, буряты	Юагиры	Ханты, манси	Долганы, кеты, эвенки, буряты, якуты, ханты, манси, эвены, орочи, нанайцы	Чукчи, долганы, ханты, эвенки, юагиры	Буряты, эвенки, эвены

Заключение

Если попытаться выстроить предполагаемый «возраст» сюжетов, то картина эволюции использования мотивов девушек-лебедей представляется следующей. Наиболее архаичными формами повествований выглядят эвенкийский рассказ (начальная точка полетов девушек-птиц, один из самых интересных для анализа текстов), а также кетский и долганский рассказы. Сюда же можно отнести нивхскую сказку о девочке, обижаемой мачехой и улетевшей с лебедями. Наиболее насыщен мировоззренческими деталями (девушки-лебеди-тенгрии) бурятский рассказ.

Калмыцкие и тувинские сказки показывают нам классический сказочный тип повествования, где герой в поисках избранницы путешествует по мирам, к ним близки якутские сказки. В сказках хантов и манси мир, по которому путешествуют герои, из классической модели мира превращается в мир города – форма остранения мира использует новые ресурсы в виде городского пейзажа и реалий. Осложнением этого сюжета являются рассказы о двух братьях, встречающиеся у эвенков и эвенов, орочей и нанайцев, причем функции братьев отличаются только в нанайском рассказе. Осложнение повествования наследниками героя (рождение богатыря) отмечается только в эвенкийском тексте эпического характера.

Вследствие разнородности материала, которая при разработке данного сюжета не замечалась ранее, нам придется обратить внимание на довольно редкий случай варьирования сюжета за счет смены «точек зрения» в повествовании при монтаже текста – при включении мотива девушек-лебедей в текст. Основная масса примеров этого мотива представляет его включение извне в контакт с героем повествования. Однако один эвенкийский текст показывает экспози-

цию, где девушки лебеди, живущие у озера с родителями, должны быть главными действующими лицами в повествовании. Примеры смены точек зрения представляют большой интерес для изучения фольклорного материала (об этом понятии см. [29, с. 9-154; 30, с. 127; 31; в части пространства – 20, с. 146 и сл.]). Близкие по структуре сюжеты со сменой «точки зрения» или связанных с ней смысловых признаков (например, варьирование пола персонажа, как в рассказах о медведе) [32; 33] еще почти не изучены, но они представляют огромный интерес для генезиса сюжетов и пополнения общего сюжетного репертуара и имеют исключительную важность для изучения структуры и поэтики фольклорного текста.

Литература

1. Топоров В. Н. Лебедь // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1991. – С. 40-41.
2. Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. – Москва : Наука, 1964. – 272 с.
3. Калмыцкие народные сказки / сост.-ред. В. Егоров. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1978. – 146 с.
4. Мергн көвүн Царкин хан хойр // Хальмг туульс. 3-гч боть / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. – Элиста : Респ. тип. Управления по печати при Совете Министров Калмыцкой АССР, 1972. – С. 186-197. (На калм. яз.)
5. Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост. Т. Г. Басангова. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2002. – 242 с.
6. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов : устные и литературные традиции. – Москва : Наука. ГРВЛ, 1984. – 309 с.
7. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. – Москва-Санкт-Петербург : Академия Исследований Культуры. Традиция, 2005. – 240 с.
8. Душан У. Д. Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. – Элиста : КИГИ РАН, 2016. – 375 с.
9. Тувинские народные сказки / сост. М. Ватагин. – Москва : Наука. ГРВЛ, 1971. – 208 с.
10. Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. – Новосибирск : Наука, 1994. – 460 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 8). (На тувинском и русс. яз.)
11. Бурятские волшебные сказки / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова и др. – Новосибирск : Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. – 341 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 5). (На бурятском и русс. яз.)
12. Бурятские народные сказки : сборник / Сост., авт. коммент. Б. С. Дугаров. – Москва : Современник, 1990. – 383 с.
13. Сказания бурят, записанные разными собирателями. – Иркутск : Тип. К. И. Витковской, 1890. – 159 с.
14. Фольклор долган / сост. П. Е. Ефремов. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2000. – 448 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 19). (На долганском и русс. яз.)
15. Якутские народные сказки / отв. ред. Н. В. Емельянов, Ю. И. Смирнов. – Новосибирск : Наука, 2008. – 464 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27). (На якутском и русс. яз.)
16. Мифы, предания, сказки кетов / сост. Е. А. Алексеенко. – Москва : Наука. ГРВЛ, 2001. – 342 с.
17. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. – Москва : Наука. ГРВЛ, 1990. – 568 с.
18. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Запись текстов, пер. и коммент. Г. М. Василевич. – Москва; Ленинград : Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. – 399 с.
19. Варламов А. Н. Игра в эвенкийском фольклоре : дисс. ... к. филол. н. – Улан-Удэ, 2006. – 211 с.
20. Новикова К. А. Эвенские сказки, предания и легенды. – Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1987. – 157 с.
21. Данилов Е. А. Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ / обраб., расшифровка, ред. и пер. эвен. текста на рус. яз. А. А. Даниловой; отв. за вып. В. Г. Белолюбская. – Якутск : Розовая чайка, 1991. – 48 с.
22. Храбрый Мэргэн. Сказки народов Приамурья / сост. и предисл. Ю. М. Медведева. – Москва : Россия, 1992. – 736 с. – (Сказки народов России).
23. Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. – Новосибирск : Наука, 2005. – 594 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25). (На юкагирском и русс. яз.)
24. Кыкык : нивхская сказка. – Магадан : Книжное изд-во, 1972. – 14 с.
25. Сказки народов Северо-Востока / сост. Н. В. Козлов. – Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1956. – 313 с.

26. Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Ленинград : Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. – 290 с.
27. Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. – Москва : ГРВЛ, 1975. – С. 214-246.
28. Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – Москва : РГГУ, 2001. – С. 122-162. – (Традиция, текст, фольклор : Типология и семиотика).
29. Успенский Б. А. Семиотика искусства. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
30. Шмид В. Нарратология. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – (Studia philologica).
31. Каплан Е. Б. Система точек зрения как композиционный приём в повести К. Г. Паустовского «Исаак Левитан» // Молодой ученый. – 2015. – № 23.2 (103.2). – С. 84-88. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/103/24343/> (дата обращения : 17.05.2020).
32. Бурыкин А. А. Замечания к композиции некоторых песен «Джангара» : смена «точки зрения» и проблема происхождения различий в экспозиции песен со сходными сюжетами // «Джангар» в евразийском культурном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 27 сентября – 2 октября 2004 г.). – Элиста : КИГИ РАН, 2004. – С. 43-47.
33. Бурыкин А. А. Русская сказка о царевне-лягушке и ее бурятская параллель // Монголын судлал – өөрчлөгдөн буй ертөнцөд. Хөгжлийн хэтийн төлөв : Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал (г. Улаанбаатар, 14-18 апреля 2010 г.) / МУБИС, Монгол судлалын сургууль. – Улаанбаатар : Бемби сан хэвлэлийн газар, 2010. – С. 73-83.

References

1. Toporov V. N. *Lebed'* [Swan]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. 2-e izd. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1991, pp. 40-41. (In Russ.).
2. *Mednovolosaya devushka. Kalmytskie narodnye skazki* [Copper-haired girl. Kalmyk folk tales]. Per., sost. i primech. M. Vatagina. Moscow, Nauka, 1964, 272 p. (In Russ.).
3. *Kalmytskie narodnye skazki* [Kalmyk folk tales]. Sost.-per. V. Egorov. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo, 1978, 146 p. (In Russ.).
4. *Mergn kovyn Tsarkin khan khoir* [Young man-shooter and Tsarkin khan]. In: *Khal'mg tuul's* [Kalmyk tales]. 3-gch bot'. Sost. N. N. Musova, B. B. Okonov, E. D. Muchkinova. Elista, Resp. tip. Upravleniya po pechati pri Sovete Ministrov Kalmytskoi ASSR, 1972, pp. 186-197. (In Kalmyk).
5. *Sandalovyi larets. Kalmytskie narodnye skazki* [Sandalwood basket. Kalmyk folk tales]. Sost. T. G. Basangova. Elista, Kalm. kn. izd-vo, 2002, 242 p. (In Russ.).
6. Neklyudov S. Yu. *Geroicheskiy epos mongol'skikh narodov: ustnye i literaturnye traditsii* [Heroic epic of the Mongolian peoples: oral and literary traditions]. Moscow, Nauka. GRVL, 1984, 309 p. (In Russ.).
7. Meletinskii E. M. *Geroi volshebnoi skazki* [The hero of magic tale]. Moscow, Saint Petersburg, Akademiya Issledovaniy Kul'tury. Traditsiya, 2005, 240 p. (In Russ.).
8. Dushan U. D. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Sost. V. V. Batyrov, T. I. Sharaeva. Elista, KIGI RAN, 2016, 375 p. (In Russ.).
9. *Tuvinskie narodnye skazki* [Tuvinian folk tales]. Sost. M. Vatagin. Moscow, Nauka. GRVL, 1971, 208 p. (In Russ.).
10. *Tuvinskie narodnye skazki* [Tuvinian folk tales]. Sost. Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka, 1994, 460 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 8* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 8]). (In Tuvinian and Russ.).
11. *Buryatskie volshebnye skazki* [Buryat magic tales]. Sost. E. V. Barannikova, S. S. Bardakhanova i dr. Novosibirsk, Nauka. Sib. izd. firma, 1993, 341 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 5* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 5]). (In Buryat and Russ.).
12. *Buryatskie narodnye skazki: sbornik* [Buryat folk tales: collection]. Sost., avt. komment. B. S. Dugarov. Moscow, Sovremennik, 1990, 383 p. (In Russ.).
13. *Skazaniya buryat, zapisannyye raznymi sobiratelyami* [Tales of Buryats written down by various collectors]. Irkutsk, Tip. K. I. Vitkovskoi, 1890, 159 p. (In Russ.).
14. *Fol'klor dolgan* [Folklore of the Dolgans]. Sost. P. E. Efremov. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2000, 448 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 19* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 19]). (In Dolgan and Russ.).
15. *Yakutskie narodnye skazki* [Yakut folk tales]. Otv. red. N. V. Emel'yanov, Yu. I. Smirnov. Novosibirsk, Nauka, 2008, 464 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 27* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 27]). (In Yakut and Russ.).

16. *Mify, predaniya, skazki ketov* [Myths, legends and tales of the Kets]. Sost. E. A. Alekseenko. Moscow, Nauka. GRVL, 2001, 342 p. (In Russ.).
17. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends and tales of Khanty and Mansi]. Sost., predisl. i primech. N. V. Lukinói. Moscow, Nauka. GRVL, 1990, 568 p. (In Russ.).
18. Vasilevich G. M. *Istoricheskii fol'klor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenki. Stories and legends]. Zapis' tekstov, per. i komment. G. M. Vasilevich. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 399 p. (In Evenki and Russ.).
19. Varlamov A. N. *Igra v evenkiiskom fol'klore* [Play in the Evenki Folklore]. Diss. ... k. filol. n. Ulan-Ude, 2006, 211 p. (In Russ.).
20. Novikova K. A. *Evenskie skazki, predaniya i legendy* [The Even tales, stories and legends]. Magadan, Magadanskoe kn. izd-vo, 1987, 157 p. (In Russ.).
21. Danilov E. A. *Irkenmel, Oiinde, Metele* [Irkehmel, Ojinde, Metele]. Obrab., rasshifrovka, red. i per. even. teksta na rus. yaz. A. A. Danilovoi; otv. za vyp. V. G. Belolyubskaya. Yakutsk, Rozovaya chaika, 1991, 48 p. (In Even and Russ.).
22. *Khrabryi Mergen. Skazki narodov Priamur'ya* [Brave Mergen. Tales of the peoples of the Amur region]. Sost. i predisl. Yu. M. Medvedeva. Moscow, Rossiya, 1992, 736 p. (*Skazki narodov Rossii* [Tales of the people of Russia]). (In Russ.).
23. *Fol'klor yukagirov* [Folklore of the Yukagirs]. Sost. G. N. Kurilov. Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 25* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 25]). (In Yukagir and Russ.).
24. *Kykyk: nivkhsкая skazka* [Kykyk: Nivkh folk tale]. Magadan, Knizhnoe izd-vo, 1972, 14 p. (In Russ.).
25. *Skazki narodov Severo-Vostoka* [Tales of the peoples of the North-East]. Sost. N. V. Kozlov. Magadan, Magadanskoe kn. izd-vo, 1956, 313 p. (In Russ.).
26. Vasilevich G. M. *Sbornik materialov po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Collection of materials to the Evenki (Tungus) folklore]. Leningrad, Izd-vo In-ta narodov Severa, 1936, 290 p. (In Evenki and Russ.).
27. Novik E. S. *Sistema personazhei russkoi volshebnoi skazki* [The system of characters of the Russian fairy tale]. In: *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sbornik statei pamyati V. Ya. Proppa* [Typological studies in folklore. Issue in the memory of V. Ya. Propp]. Sost. E. M. Meletinskii, S. Yu. Neklyudov. Moscow, GRVL, 1975, pp. 214-246. (In Russ.).
28. Novik E. S. *Sistema personazhei russkoi volshebnoi skazki* [The system of characters of the Russian fairy tale]. In: *Struktura volshebnoi skazki* [Structure of folk tale]. Otv. red. S. Yu. Neklyudov. Moscow, RGGU, 2001, pp. 122-162. (*Traditsiya, tekst, fol'klor: Tipologiya i semiotika* [Tradition, Text, Folklore: Typology and Semiotics]). (In Russ.).
29. Uspenskii B. A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1995, 360 p. (In Russ.).
30. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury, 2003, 312 p. (*Studia philologica*). (In Russ.).
31. Kaplan E. B. *Sistema toчек zreniya kak kompozitsionnyi priem v povesti K. G. Paustovskogo "Isaak Levitan"* [The system of points of view as a compositional device in the novel by K. G. Paustovsky "Isaac Levitan"]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. 2015, No. 23.2 (103.2), pp. 84-88. [Web resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/103/24343/> (accessed: May 17, 2020). (In Russ.).
32. Burykin A. A. *Zamechaniya k kompozitsii nekotorykh pesen "Dzhangara": smena "tochki zreniya" i problema proiskhozhdeniya razlichii v ekspozitsii pesen so skhodnymi syuzhetami* [Remarks on the composition of some of the songs of "Jangar": the change of "point of view" and the problem of the origin of differences in exposure of songs with similar plots]. In: *"Dzhangar" v evraziiskom kul'turnom prostranstve: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Elista, 27 sentyabrya – 2 oktyabrya 2004 g.)* ["Jangar" in the Eurasian cultural space: materials of the International scientific conference (Elista, September 27 – October 2, 2004)]. Elista, KIGI RAN, 2004, pp. 43-47. (In Russ.).
33. Burykin A. A. *Russkaya skazka o tsarevne lyagushke i ee buryatskaya parallel'* [The Russian fairy tale about the frog princess and its Buryat parallel]. In: *Mongolyn sudlal – eerchlegden bui ertentsed. Khegzhliin khetiin telev: Olon ulsyn erdem shinzhilgeenii бага khural (g. Ulaanbaatar, 14-18 aprelya 2010 g.)* [Mongolian studies in a changing world – development prospects: materials of the International scientific conference dedicated to 95th anniversary of N. O. Sharakhshinov (Ulaanbaatar, April 14-18, 2010)]. MUBIS, Mongol sudlalyn surguul'. Ulaanbaatar, Bembi san khevleliin gazar, 2010, pp. 73-83. (In Russ.).